

БАГРОВЫЙ ВЕТЕР

МИРИАМ РАЙС

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Мириам Райс

Багровый Ветер

<https://litres.ru/74105806>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не забывай кто ты есть, кому принадлежишь и кому служишь. Будь то король, Хранитель или даже сами Боги, если ты склонил голову, значит уже проиграл.

Иногда спаситель может оказаться хуже прошлого мучителя, а жертва хуже паразита, который высасывает все соки, пока не найдёт кого получше и уничтожить всё, что было, есть и будет. А может это верный союз? Вот только кто первый к нему пришёл?

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мириам Райс

Багровый Ветер

Пролог

Пол был не просто грязным — он являл собой жуткую мозаику из запёкшейся крови, грязи и осколков разбитой мозаики, некогда украшавшей парадные залы. Каждый шаг по нему отзывался липким чавканьем, будто камень сам пытался удержать тех, кто ступал по нему, в этом аду. В воздухе висел тяжёлый, медный запах крови, смешанный с едкой вонью мочи и страха, он оседал на языке горькой плёнкой, заставлял горло сжиматься в спазме тошноты. Тихие всхлипы принцесс звучали особенно пронзительно в этой гнетущей тишине, нарушаемой лишь редким звяканьем цепей да тяжёлым дыханием стражи.

Король и королева, некогда величественные, теперь напоминали тени самих себя. Их спины были выпрямлены из последних сил, гордость ещё пыталась пробиться сквозь ужас, но холодное лезвие, приставленное к горлу, безжалостно пригибало их к земле. Они не смели поднять глаз. Боялись, что, встретившись взглядом с палачом, окончательно утратят остатки человеческого достоинства.

Первой пала королева. Ещё час назад она, не раздумыв-

вая, бросилась между своими детьми и надвигающейся смертью, раскинув руки, словно хотела укрыть их всем своим существом. Её крик, полный материнской ярости и отчаяния, эхом прокатился по залу, чтобы тут же захлебнуться в лязге оружия. Наследник, её сын, тот, кого она носила под сердцем и растила как надежду королевства, в решающий миг дрогнул. Он не просто отступил — он толкнул её вперёд, прямо в лапы войску подношением алчущим богам войны. Женщины, закованные в тяжёлые кандалы, чьи запястья уже покрылись кровавыми ссадинами от грубого железа, были проташены по мраморным ступеням, оставляя за собой багровые полосы. Их крики, сначала громкие и полные гнева, постепенно стихли, сменившись беззвучными рыданиями, когда реальность происходящего окончательно обрушилась на них.

Король держался дольше всех. Даже когда лезвие пронзило грудь его супруги, он не издал ни звука, лишь по его лицу скользнула едва заметная судорога, одно единственное свидетельство того, что сердце ещё бьётся. Теперь, когда и его жизнь оборвалась, он рухнул на трон, который ещё недавно был символом его власти, а ныне стал лишь пьедесталом для его падения. Его глаза, остекленевшие и полные невысказанной скорби, будто всё ещё пытались отыскать в этом хаосе своих детей, чьи тела уже унесли в темноту. Принцессы, не выдержав зрелища материнской гибели, потеряли сознание — их бледные лица, залитые слезами, казались мас-

ками скорби, отлитыми из дорогого воска.

Замок, гордый и неприступный, теперь трещал по швам, словно живое существо, испытывающее агонию. Каждый удар тарана, каждый лязг металла о камень отдавался в стенах глухим стоном, камни оплакивали свою судьбу. По-смертные крики слуг, раздававшиеся из дальних коридоров, сливались в единый, жуткий хор, от которого кровь стыла в жилах. Воздух был настолько пропитан кровью, что казался густым, почти осязаемым — его можно было не только почувствовать на языке, но и увидеть в виде багрового тумана, клубящегося под сводами зала. И среди этого кошмара, среди смерти и разрушения, раздавался смех победителей, такой ликующий, торжествующий, от которого веяло не триумфом, а безумием.

Последний бастион Великого города Серафимов пал. Крылья его защитников, когда-то гордо реявшие в небесах, были сожжены Хранителями за измену, а сами они, не учтя ошибок прошлого, пошли войной на детей ночи и проиграли. Теперь это место, некогда святое, стало столицей упырей и кровососов, проклятым уголком мира, где сама земля отвернулась от света.

Движения Сайруса, древнего вампира и теперь молодого правителя, были до пугающего монотонными — он не участвовал в битве, а лишь наблюдал за ней со стороны, заранее зная её исход. В его жестах не было ни торжества, ни злорадства. Исключительно усталая отрешённость человека, для

которого смерть стала слишком привычной гостьей. Вкус победы, если он и был, не приносил насыщения, только лёгкую горечь, напоминавшую о том, что всё это было предрешиено задолго до того, как первая капля крови упала на пол. Для него это была не победа, а неизбежность, воплощённая в металле, крови и криках.

Живые мертвецы, лишённые собственной воли, но наделённые нечеловеческой силой, швыряли остывающие тела ненужными тряпками в общую кучу, где они смешивались с обломками мебели и кусками развалившегося камня. Молодых девушек, чьё единственное преступление заключалось в рождении в королевской семье, развели по отдалённым покоям, заперли в комнатах, где даже воздух был пропитан вековой пылью и отчаянием. Слуги, лишённые преданности и цеплявшиеся лишь за инстинкт самосохранения, склонили головы быстрее, чем успевали осознать, что происходит. Им было всё равно, кому служить. Одна из них, дрожа всем телом, прошептала Сайрусу о скрытых проходах, ведущих глубоко под замок, — о извилистых, тёмных туннелях, которые ведут в самое сердце земли.

Сайрус лишь небрежно махнул рукой, и те немногие, кто ещё оставался в зале, расступились перед ним. Их глаза, полные страха и ожидания, следили за каждым его движением, надеясь уловить хоть намёк на то, что ждёт их дальше.

Сайрус Ван де Коулс. Сын зимних ветров и летних цветов. Не иронично странное сочетание, которое когда-то бы-

ло поэтичным, а теперь звучит как насмешка судьбы. Завоеватель, носитель древней, как сам мир, крови, не боящийся ни солнца, ни серебра, теперь стал властелином западных земель, земель падших детей гор. Их крылья были сожжены, их гордость растоптана, а сами они стали рабами мужчины со смуглой кожей, которая даже под проклятьем вечной жизни сохраняла свой оттенок, напоминая о том, что он был рождён под другим небом.

Подземелье оказалось глубже, чем можно было предположить. Замок, поглощённый землёй за несколько веков, скрывает под собой целую сеть туннелей и камер, почти целый город, такой забытый и покинутый. Его подземная инфраструктура продуманная и рациональная, свидетельство тщетности человеческих усилий перед лицом времени.

Лестница, ведущая вниз, была вырублена прямо в скале — её ступени, неровные и скользкие от вековой сырости, уводили всё глубже во тьму. Она заканчивается у массивной, усиленной двери, покрытой ржавчиной и паутиной, сама вечность пыталась скрыть то, что находится за ней.

Внутри тюрьмы царит запах тления и плесени. Окна, если их можно было так назвать, закрыты окаменевшей почвой и прогнившими досками, сквозь которые едва пробивается тусклый свет. Насекомые давно прогрызли в дереве ходы, а гниль забрала последние остатки древесины, оставив лишь хрупкие останки. Ржавые прутья решёток, некогда прочные, теперь выглядят жалкими и беспомощными — они больше

не могут сдерживать ни людей, ни чудовищ. Замки, покрытые слоем коррозии в мольбе о том, чтобы их наконец разрушили, избавив от бремени бесполезной службы.

Факелы, развешанные вдоль стен, горят через один, а иногда и реже. Их пламя, слабое и дрожащее, едва справляется с тьмой, отбрасывая причудливые тени. Ткань, пропитанная смолой, давно отсырела, и её едкий запах смешивался с вонью подземелья, создавая тошнотворный коктейль. В камерах, разбросанных по всему лабиринту, лежат не то трупы, не то их останки. Кости, обглоданные крысами, куски плоти, которые уже невозможно было опознать. Некоторые из тех, кто когда-то был людьми, стали гуляями — их души, поглощённые проклятием и чёрной магией, превратили их в нечто среднее между живыми и мёртвыми.

Сайруса провели до дальних, изолированных камер, где тьма была особенно густой, а тишина невыносимо давящей. Там, глубоко внутри, вопреки всему, ещё теплилась жизнь. Крошечная, почти сломленная, но всё ещё рвущаяся к тому малому свету, что пробивался сквозь узкую щель, предназначенную для передачи скудной еды. У двери не было ни замка, ни петель. Её буквально замуровали в стену, пытаясь навсегда стереть из памяти само существование того, кто находился внутри. Сайрус остановился перед ней, и в этой тишине стал слышен другой звук — частое, прерывистое бичение сердца, доносившееся из-за двери. Дыхание неизвестного, пытавшееся оставаться ровным, лишь усиливало этот

ритм, делая его почти оглушительным в абсолютной тишине. Оно звучало так, будто человек только что вынырнул из ледяной воды, хватая воздух ртом, не веря, что ещё жив. Сайрус не стал тратить время на поиски слабых мест. Его пальцы, длинные и толстые, обладающие нечеловеческой силой, впились в металл, словно в мягкое тесто. С лёгким скрежетом, от которого по спине пробежали мурашки, дверь распахнулась, обнажив то, что скрывалось за ней.

Внутри действительно был человек. Молодая женщина, чья фигура казалась почти прозрачной на фоне тьмы, сжимала в костлявых пальцах острый камень — её последнее оружие, её последняя надежда. Её тело сотрясала голодная дрожь, а в глазах плескался тот самый адреналин, который заставляет человека сражаться даже тогда, когда разум уже сдался. Каждая её мышца была напряжена до предела, готовая к последнему рывку — к выбору между смертью и позором.

Цепи на её ногах и шее звякнули, когда она сделала неуклюжий, но отчаянный выпад вперёд. Металл, тяжёлый и холодный, скользил по её коже, уже слишком давно не оставляя кровавые следы. Но Сайрус, двигаясь с грацией хищника, легко перехватил её тонкие, хрупкие руки. Она рухнула на его грудь, потеряв последние силы, и в этот момент вся её ярость и решимость растворились в бессилии.

Её впалые, бледные щёки, острые настолько, что о них, казалось, можно было порезаться, контрастировали с огром-

ными оленьими глазами, полными ужаса и упрямства. Эти карие глаза, глубокие и бездонные, впились в его лицо, пытаясь найти в нём хоть намёк на человечность. Но перед ней стоял не человек — перед ней был плотоядный зверь, чьи чёрные глаза с алой радужкой напоминали рыболовные крючки, готовые вонзиться в душу и вытащить её наружу по кусочкам.

Женские волосы, смольные, чёрные как сама ночь, ниспадали на плечи, частично скрывая черты лица, придавая ей вид зловещей старухи. Они были редкими, время и проклятие уже начали своё разрушительное дело. Это выглядит как шутка.

Она была одета в нечто, отдалённо напоминавшее льняной мешок. Прохудившийся, грязный, едва прикрывавший её истощённое тело. Ткань прилипала к коже, подчёркивая каждую кость, каждый выступ, делая её похожей на призрак, случайно задержавшийся в мире живых.

Никто не решался даже шелохнуться, пока она кричала. Голос, охрипший от обезвоживания и долгих дней молчания, разрывал тишину, словно нож. Язык, прилипший к нёбу, едва шевелился, но в каждом звуке слышалась вся боль и гнев, накопившиеся за время заточения. Это был её последний шанс быть услышанной, последний крик в пустоту.

— Интересно, — проговорил Сайрус, его голос прозвучал неожиданно спокойно, почти скучающе, но в нём сквозила ледяная насмешка. — Не думал, что домашнее зверьё дер-

жат в таких поганных условиях.

На мгновение она замерла, её глаза расширились, а дыхание остановилось. Осознание того, что этот монстр, этот вампир, знает язык её родины и говорит на нём так бегло, словно это его родной язык, ударило по ней сильнее, чем любой удар. Весь накопленный стресс, вся боль и ярость, копившиеся месяцами, выплеснулись в этом коротком мгновении, чтобы тут же раствориться в новой, более глубокой тьме, поглотившей её сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.